

УДК 811.161.1'36

О КОНЪЮНКЦИОНАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВОФОРМЫ *ПО ИДЕЕ*)

© Капустина Татьяна Дмитриевна

магистрант,

Санкт-Петербургский государственный университет,

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9

E-mail: tatianakapustina14@gmail.com

В статье рассматривается процесс конъюнктивизации в современном русском языке на примере словоформы *по идее*. Единица *по идее* отделена от существительного *идея* и благодаря процессу лексикализации получила новые функции и изменения в семантике. Он может функционировать как текстовый клип (когда он связывает части текста) или он может быть частью сложного соединения в конструкции *по идее X, sed Y*. Анализ основан на материале, предоставленном устным подразделением и газетами Подкорпус Российского Национального Корпуса. Обращение к этим источникам обусловлено целью описать процессы, происходящие на современном русском языке, как в письменной. Так и устной речи. Исследование показало, что модальные слова могут функционировать как аналог соединения в тексте, могут создавать определенные отношения между частями текста или предложениями.

Ключевые слова: конъюнктивизация; конверсия; модальность; конъюнкция.

Для цитирования

Капустина Т. Д. О конъюнкционализации в современном русском языке (на примере словоформы *по идее*) // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып 1. С. 15–21.

Объектом внимания в статье стало явление конъюнкционализации в современном русском языке. В работе предпринята попытка на примере единицы *по идее* проанализировать, как у знаменательной части речи появляется служебная функция. Остановимся на терминах *переходность* и *переходные явления*, традиционные для русской лингвистики, и рассмотрим переходность не как результат, а как процесс, приводящий к созданию *синкретичных образований*, «характеризующихся синтезом (совмещением) дифференциальных признаков взаимодействующих частей речи как в синхронном, так и в диахронном плане» [2, с. 37]. Анализ синкретичных явлений, образующихся в результате процесса конъюнкционализации, приводит к пониманию того, что в языке существуют так называемые лексико-грамматические средства связи, «сохраняющие в известной мере лексические значения, которые позволяют дифференцировать смысловые связи и отношения» [2, с. 38]. Данные единицы не всегда переходят в союзы, но составляют некоторую промежуточную категорию, находятся на периферии зоны союзных средств, и сама союзная функция не является их первичным свойством и не составляет их грамматического содержания [9]. Однако, как отмечает В. В. Байбайцева, их появление в языке обусловлено необходимостью (в синхронии) выразить специфические оттенки смысла [2, с. 38]. На наш взгляд, именно таким лексико-грамматическим средством связи и выступает в русской речи словоформа *по идее*.

Конъюнкционализация – это «переход наречия, именной словоформы и т. п. в разряд союзов» [1, с. 201]. Этот процесс представляется частным случаем *переходности*, т. е. становится в один ряд с такими явлениями, как субстантивация, адъективация, адвербиализация и т. п. В западноевропейской лингвистической традиции переходность описывается как конверсия, один из способов словообразования, при котором слово переходит в другой грамматический класс без добавления словообразовательных аффиксов (*zeroderivation* или *functionalshift*) [15, с. 114]. Кроме того, схожие процессы попадали в поле зрения лингвистов при описании таких явлений, как транспозиция (*transposition*) [14], трансляция [18], деривация (*derivation*) [16], хотя данные термины охватывают значительно большее количество явлений (в том числе словообразование с помощью аффиксов).

Настоящее исследование проведено в рамках корпусного подхода к анализу речевого материала, так как, по меткому замечанию В. А. Плунгяна, «корпус — это не просто дань техническому прогрессу или более удобный инструмент для поиска примеров; это именно примета новой идеологии изучения языка, для которой язык – вообще говоря, и есть корпус, как бы вызываяще это ни звучало по отношению к предшествующей теоретической традиции» [8, с. 12]. Корпус в современной лингвистике — это «ограниченный по объему набор электронных текстов, собранных с целью максимально точно представлять исследуемый вариант языка» [17, с. 24].

Для достижения цели настоящего исследования были выбраны устный и газетный подкорпусы Национального корпуса русского языка. Привлечение устной речи для анализа языковых явлений считаем принципиально важным для любого современного лингвистического исследования, целью которого является описание актуальных изменений, так как «наши представления о любом естественном языке являются неполными и даже искаженными, если они не основываются на данных устной формы этого языка» [11, с. 26]. Для проверки и сопоставления полученных результатов проводился анализ и письменной речи, для чего был взят газетный подкорпус. Язык СМИ ориентируется на актуальные тенденции живой речи, поэтому, за счет постоянного пополнения и обновления лексических и, реже, грамматических средств, дает представление об актуальных процессах в языке и речи.

Единица *по идее*: особенности значения и функционирования

Для начала обратимся к данным, представленным в словарях и грамматиках русского языка, где *по идее* уже описано как лексикализованная единица, как отдельное слово (или гибридное слово), с двумя значениями:

- 1) 'по замыслу, в теории' [3, с. 46] или 'по замыслу, как задумано' [5, с. 375];
- 2) 'как будто бы, предположительно' [3, с. 46; 5, с. 375; 12, с. 298].

В первом случае *по идее* выступает как адвербиальное сочетание, во втором — как вводно-модальное слово. По своему происхождению рассматриваемая единица примыкает к ряду вводно-модальных слов, описанных В. В. Виноградовым как образовавшихся в результате соединения предлога *по* с сущ. в дат. п.; основная функция таких единиц — указывать на источник сообщения [6, с. 68]. В материале исследования такие примеры единичны, ср.:

- (1) *Главой организации, по идее нобелевского лауреата, должен стать ректор Санкт-Петербургского академического университета РАН, то есть он сам*

[А. Кашеварова. Борьба за науку переросла в борьбу за имущество РАН // Известия, 2013.12.02].

Как видно, в контексте (1) *по идее* выступает как составная часть вводного выражения, указывающего на авторство сообщения, и становится в ряд с такими единицами, как *по мнению, по сообщению, по словам*. В подобном употреблении значение формы *по идее* соответствует первому, упоминаемому в БАСе ('замысел, план, намерение'), а «носитель» и автор этой *идеи* обозначен в тексте (*нобелевский лауреат*).

В большинстве случаев *по идее* употребляется в речи самостоятельно, не являясь частью словосочетания, ср.:

(2) *По идее / конституция / это документ прямого действия / по идее / коль скоро оно в конституцию занесено / то право воспользоваться этим правом / извините за тавтологию / оно должно быть в любой момент у любого гражданина / чьи убеждения не позволяют ему брать в руки оружие или заниматься какой-то военной деятельностью* [Беседа О. Бычковой с А. Овсянниковой в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003].

По идее в контексте (2) указывает не на замысел или намерение определенного лица (по крайней мере, это не явлено в тексте), но на замысел и план как лежащие в основе функционирования документа, в данном случае — конституции. Это касается первого употребления единицы в приведенном контексте (2). Второе употребление уже относится к самой ситуации, которая тоже регулируется неким *замыслом, планом, идеей*. И в первом, и во втором случае нормы, регулирующие ситуацию, записаны, зафиксированы, известны говорящему. Иное видим в следующих примерах, ср.:

(3) [жен, 29] *А может / это средства связи желательно / а автомобиль обязательно* // [муж, 31] *Ну по идее / какой ты начальник службы безопасности без автомобиля* [нрзб] // [Разговор в семье утром // Дальневосточный федеральный университет, База данных «Речь дальневосточников», 2007];

(4) [жен, 20] *Я говорю / ты ска / по идее / не любишь / да?* [муж, 26] *С чего ты взяла? Не / почему ж / люблю ска и играю* [жен, 20] *нет / ну просто обычно профессиональные духовики там джазом живут и всё такое...* [Разговоры о музыке // Из коллекции НКРЯ, 2006].

В контексте (3) никакой зафиксированной, записанной где-то и утвержденной нормы (идеи) нет, но говорящий на собственном жизненном опыте сформировал представление о том, что у *начальника службы безопасности должна быть машина*. В данном примере нет еще модальности, предположительности, но за счет того, что появляется лицо самого говорящего с его личным мнением, сказанное может балансировать в плоскости достоверное / недостоверное. То же имеем в примере (4), где девушка, опять же на основании своих представлений, которые для нее являют некоторое нормальное существование ситуации, говорит, что *духовики* (музыканты, играющие на духовых инструментах) не любят *ска* (музыкальный стиль, зародившийся на Ямайке), так как *живут джазом*. Собеседник опровергает эту точку зрения и говорит, что он *любит ска и играет*. Таким образом, *по идее* вводит в текст указание на какую-то норму, но эта норма (в глазах говорящего) может быть опровергнута фактами действительности,

в результате возникает противопоставление нормального, идеального (установленного правилами, общественными нормами, либо носителем нормы выступает сам говорящий), и реального (того, что происходит на самом деле). Такое употребление *по идее* обусловлено прагматическим потенциалом данной единицы: она обладает обобщающе-ограничительным значением [7]. *Обобщение* в данном случае заключается в выделении, проставлении акцента на нормальном, «идеальном», порядке вещей, а ограничение заключается в наличии альтернативной реализации ситуации. Возникающее противопоставление может быть явлено в тексте либо в виде смыслового противопоставления фрагментов текста или высказывания, либо в виде противительной конструкции.

По идее в роли текстовой скрепы

Для характеристики случаев, когда *по идее* реализует связующую функцию в рамках текста, обратимся к термину *текстовая скрепа*: «...это слово или фразеологизм, находящийся, как правило, в начале высказывания, создающий связь высказываний и обозначающий определенный тип отношения» [12, с. 234], ср.:

(5) [жен, 26] *Они как говорят / вот идёт война / да? По идее / кто не воюет / трогать нельзя. Пожалуйста / вон журналисты там сидят в доме / в гостинице / а по ней палят из танка / бабах!* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Санкт-Петербург) // Фонд «Общественное мнение», 2003];

(6) *Проиграв французам 9 мая, сборная России по идее должна была остальных соперников просто сметать, реабилитируясь за досадную осечку. Вместо этого проблемы с мотивацией продолжились* [Д. Пономаренко. За что каяться Биллу? // Советский спорт, 2013.05.27].

В примере (5) *по идее* находится в начале высказывания и вводит указание на нормальное развитие событий: *кто не воюет, трогать нельзя*. Далее следует информация, противоречащая заданной норме: *по журналистам палят из танка*. Несоответствие нормы и реальности подчеркиваются оппозицией единиц *по идее* — *пожалуйста*. Примечательно, что, помимо оформления смыслового противопоставления высказываний в тексте, *по идее* так же, как типичная скрепа (показатель отношений), имеет левый и правый контекст: в примере (5) в левой части задается ситуация (*идёт война*) и пояснение (*они как говорят*), в правом — норма, которая в этой ситуации должна осуществляться. Таким образом, *по идее* организует в тексте трехчастную структуру: (описание ситуации + пояснение) — (норма) — (противопоставление норме).

В примере (6) также сначала задается сама ситуация (*проиграв французам*), затем вводится норма и пояснение к ней (*реабилитируясь за досадную осечку*), а несоответствие норме подчеркивается словосочетанием *вместо этого*. Таким образом, выполняя роль текстовой скрепы, *по идее* формирует вокруг себя смысловой блок, состоящий из нескольких частей.

По идее в противительной конструкции

Противопоставление нормы и реального положения вещей возникает и в рамках одного предложения, ср.:

(7) *По идее силовики должны символизировать мужское, но и этот образ раскололся о брусчатку* [Н. Осс. День сотрудников и органов // Известия, 2013.11.11];

(8) *Какова на Ваш взгляд роль ООН в современном мире?* [муж, 54] *Нет роли сейчас никакой* [жен.] **По идее** должна быть большая роль / а она вот как-то вся скукожилась и вообще не видно и не слышно [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Санкт-Петербург) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

В контексте (7) противопоставлено представление говорящего о том, что должно быть в норме, и реальное положение дел, показателем противопоставления выступает союз *но*. В контексте (8) показателем противопоставления является союз *а*. В приведенных примерах противопоставление реализуется в рамках одного предложения в виде конструкции *По идее X, sed Y*, где показателем противопоставления выступает противительный союз (*а, но, однако*).

Факты языка таковы, что в большинстве примеров рассматриваемая конструкция подвергается *парцелляции*, ср.:

(9) **По идее** Оззи Осборн давно должен был бы умереть. **Но** он не только жив. А еще и выглядит вполне молодо. То есть, будто бы ему едва за 50 [В. Лаговский. Ну, кто тут еще не занимался сексом с неандертальцами? // Комсомольская правда, 2012.11.06];

(10) **По идее**, после этого «нетрезвого» задержания, даже если бы оно и не стало достоянием Интернета, на службе офицеров должен был быть поставлен крест. **Но...** — Оба работают. Они не уволены [В. Минаева. «Ты на кого наехал?! Я зоновый орган!» // Комсомольская правда, 2013.01.30].

В примере (9) говорящий, зная об образе жизни музыканта, приходит к выводу, что тот *давно должен был бы умереть*, но в реальности опять же происходит иное. Показателем противопоставления выступает союз *но*, только конструкция уже разделена на два предложения (*парцелляция*).

В контексте (10) говорящий обрывает конструкцию, но его собеседник «подхватывает» ее и заканчивает, не нарушая смысловой целостности. Данный пример подтверждает, что описываемая конструкция частотна и воспроизводима в речи и при необходимости легко распознается собеседником. *Парцелляцию* в данном случае можно рассматривать как средство экспрессивного синтаксиса, подчеркивания автором противопоставления между двумя составляющими конструкции, которая в письменной речи составляет 23,35%, а в устной речи 10,29% от массива рассматриваемого материала.

Дискуссионный вопрос состоит в том, как трактовать полученные результаты. Как уже было отмечено, лингвисты сходятся в том, что в языке есть специфические *лексико-грамматические средства связи*, которые частично сохраняют свою исходную семантику. То же видим в случае с единицей *по идее*: в рассматриваемой конструкции она выступает с тем же значением, что и вне ее, но сам прагматический потенциал этой единицы позволяет образовать данную конструкцию. И если обратиться к рассмотренным примерам (5)–(6) и (7)–(8), то в обоих случаях реализуется заданная конструкция, противопоставление, с тем отличием, что в первом случае (5)–(6) (при связывании фрагментов текста) оно еще не имеет четкой оформленности, а во втором случае (7)–(8) реализуется уже в одном высказывании (при возможной *парцелляции* в письменной речи). Таким образом, можно проследить, как у формы *по идее* развивается связующая функция. Круг единиц, которые могут образовывать подобные конструкции, довольно широк, ср.: *как бы X, sed P; тупа*

X, sed P; якобы X, sed P; вроде X, sed P; в принципе ... но; по преимуществу ... но; в целом ... но; в идеале ... но [4; 13]. Г. Н. Сергеева, описывая сходные конструкции, говорит о том, что их можно рассматривать как аналоги двухместных союзов [7]. Такая трактовка кажется наиболее предпочтительной, так как, во-первых, подчеркивает связующую роль организационных центров конструкции, а во-вторых, не подводит их под категорию собственно союзов.

Таким образом, в русском языке единица *по идее* является полифункциональной лексикализованной предложно-падежной словоформой, которая активно употребляется в устной и письменной формах речи. Специфика ее прагматического потенциала позволяет ей организовывать в текстах противопоставление в плоскости *идеальное, нормальное — реальное*, выступая в роли текстовой скрепы, связывая высказывания противительными отношениями, либо в качестве части аналога двухместного союза в конструкции *По идее X, sed Y*.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. 1983. С. 35–42.
3. Большой академический словарь русского языка: в 17 т. Т. 7: К / под ред. К. С. Горбачевич. М., СПб., 2007.
4. Богданова-Бегларян Н. В. О некоторых грамматических новациях русской устной речи // Слово. Словарь. Словесность: Традиции и новации в русском языке: материалы Всесоюз. науч. конф. СПб., 2017. С. 72–78.
5. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.
6. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике. М., 1975.
7. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
8. Крылова Г. М. Семантико-синтаксические свойства слов-гибридов с обобщающе-ограничительным значением: автореф. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2002.
9. Плунгян В. А. Корпус как инструмент в как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. Т. 16. Вып. 2. С. 7–20.
10. Прияткина А. Ф. Союз и его функциональные аналоги // Синтаксические связи в русском языке / под ред. А. Ф. Прияткиной. Владивосток, 1978. С. 45–56.
11. Прияткина А. Ф., Стародумова Е. А. Текстовые скрепы // Служебные слова в лексикографическом аспекте. Владивосток, 2017. С. 234–239.
12. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слов. М., 2003.
13. Сергеева Г. Н. Слова-гибриды. Вступительная статья // Словарь функциональных слов в русском языке. Владивосток, 2001. С. 287–283.
14. Bally, Ch. Linguistique générale et linguistique française. Berne: Franck, 1965, 440 p.
15. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford: Blackwell Publishing, 2008.
16. Kurylowicz J. Derivation Lexicale et Derivation Syntaxique (Contribution a la Theorie des Parties du Discours). BSL, 37. 1936. P. 79–92.
17. McEnery T., Wilson A. Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1996.
18. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris: Librairie C. Klincksiek, 1976.

CONJUNCTIONALIZATION IN MODERN RUSSIAN
ON THE EXAMPLE OF «ПО ИДЕЕ» («IN THEORY») WORD FORM

Tatyana D. Kapustina

Master Student,

Saint-Petersburg State University

7–9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg 199034, Russia

E-mail: tatianakapustina14@gmail.com

The article reviews the process of conjunctionalization in modern Russian language on the example of the word form “po idee” (“in theory”). This unit is separated from the noun “idea” and due to the process of lexicalization has got new functions and changes in semantics. It can function as a text clip (when it connects parts of a text) or it can be a part of a complex conjunction in the construction “po idee” X, sed Y. The analysis is based on the material provided by verbal subcorpus and Subcorpus newspapers of the Russian National Corpus. Usage of these sources is caused by the aim to describe processes that happen in modern Russian language, both in written and verbal speech. The research shows that modal words can function as an analogue of conjunction in a text and can create specific relations between parts of texts or sentences.

Keywords: conjunctionalisation; conversion; modality; conjunction.